

В. П. МОКРЫНИН

**КАМЕННЫЕ
ИЗВАЯНИЯ—
ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНИХ
ТЮРКОВ**

Фрунзе 1979

КИРГИЗСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

В. П. МОКРЫНИН

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ—
ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КЫРГЫЗСТАН“
Фрунзе 1979

902. 6
М 74

М 74

Мокрынин В. П.

Каменные изваяния—памятники древних тюрков.
Ф., „Кыргызстан“, 1979. 17 с.

902. 6

Выпущено по заказу Кыргызского республиканского общества
охраны памятников истории и культуры.
С Кыргызское республиканское общество
охраны памятников истории и культуры, 1979 г.

ПИСЬМО В АРХЕОЛОГИЧЕСКУЮ КОМИССИЮ

Осенью 1899 г. пишпекский врач и видный краевед, чье имя было связано с открытием средневековых сиро-туркских надмогильных надписей в Чуйской долине, Ф.В.Поярков направил в Императорскую Археологическую комиссию отчет о двухмесячной рекогноспировочной поездке по Киргизии с целью выявления и изучения археологических памятников. Маршрут поездки: Пишпек, Токмак, ущелье Боом, Чон-Кемин, Кочкорская долина, Джумгал, озеро Сон-Куль, вокруг озера Иссык-Куль и через Чон-Кемин - в Пишпек. Судя по краткому отчету, поездка из-за погодных условий была не совсем удачной, тем не менее некоторые сведения, приведенные в нем, особенно относящиеся к каменным изваяниям, вызывают живейший интерес.

"25 июля утром прибыл я с рабочими на интересовавшую меня местность. По осмотре ее здесь действительно оказалось каменных баб много, всего я насчитал сорок восемь баб, они идут на протяжении не менее полутора верст, и, судя по явственно сохранившимся впадинам или углублениям, некоторые бабы увезены, что подтвердили мне и кочующие здесь киргизы, так что первоначально баб здесь находилось гораздо больше. Местность эта у киргизов называется Карой... Местность Карой лежит против Джиль-Арыкского ущелья при въезде в Боомское ущелье...

Отсюда вдоль местности Карой отправился по направлению к Кастеку левым берегом реки Чу и, проехав от того места версты 2-2,5 (а может быть и несколько более), я встретил целый город из каменных баб и один каменный столб. Всех каменных баб я насчитал по правую сторону дороги семьдесят три и по левую сторону дороги - двадцать три."

К сожалению, современный археолог может только мечтать о подобном зрелище. Каменные изваяния средневековых кочевников, которые сравнительно недавно были одним из непеременных элементов археологического ландшафта Киргизстана, почти полностью исчезают с мест их первоначальной установки. При этом они далеко не всегда пополняют экспозиции и фонды музеев. Самые тщательные поиски на местности, указанной в письме Ф.В.Пояркова, произведенные в 1974 году, привели к фиксации только двух весьма невыразительных каменных изваяний. Если на рубеже XX века только на сравнительно незначительной площади близ Боомского ущелья возвышались без учета многих

увезенных еще в то время 144 скульптуры, то в начале 60-х годов на обширной территории Киргизии и Южного Казахстана в результате полевых, архивных, музейных и литературных изысканий для специального монографического исследования удалось собрать всего лишь 145 изваяний.

Факты красноречивы. Из них следует, что в настоящее время общественность республики должна уделить исключительное внимание сбору и изучению памятников этого рода. Даже единичные находки каменных изваяний должны становиться серьезным событием.

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ

Эти своеобразные памятники распространены главным образом на Иссык-Куле, в Центральном Тянь-Шане, в Чуйской и Таласской долинах. В настоящее время известно только семь изваяний в Южной Киргизии. Все они изготовлены из специально подобранных удлинённых камней, чаще всего окатанных валунов, которым после несложной обработки придавались формы человеческой фигуры. В подавляющем большинстве изображались мужчины монголоидного облика, с усами и бородкой, иногда воспроизводится причёска в виде кос. В левой руке часто изображался кубок, правая лежала на рукояти меча или кинжала, которые выбивались подвешенными у пояса. Встречаются пояса со скрупулезно выполненными фигурными наборными бляшками и с различными подвесками. Наиболее тщательно сделанные изваяния дают полное представление о покрое одежды, головных уборах, серьгах, браслетах, ожерельях и других украшениях того времени. Имеется, правда в сравнительно небольшом числе, и явно женские фигуры в платье особого фасона или обнаженные.

Датировка изваяний установлена историческими методами. Доказано, что в Киргизии они появились не ранее VI в., т.е. в период возникновения Тюркского каганата. Верхняя дата предположительно определяется временем проникновения ислама на Тянь-Шань, т.е. X-XI вв. Уже в это время каменные изваяния используются для сооружения мусульманских культовых построек. Одно из них было найдено около минарета Бурана, другое служило порогом одной из караканидских усыпальниц Уагена. Многие из статуй носят следы насильственного разрушения лицевой части, сделанные в древности, о чем свидетельствует патинизация сколов. В этой связи уместно напомнить,

что у многих персонажей монументальной живописи Средней Азии были умственно повреждены лица. Предполагается, что это сделали завоеватели арабы или же местные приверженцы новой религии.

Археологический метод датировки, заключающийся в сопоставлении предметов, изображенных на изваяниях (мечи, сабли, кинжалы, кубки, серьги, наборные пояса) с реальными хорошо датированными вещами, найденными во время раскопок, позволяет оперировать более дробной хронологией. В настоящее время выделены скульптуры VI в. — не позже VII в., VII—VIII вв., VIII—IX вв.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ПОМИНАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ТЮРКОВ

Историкам давно был известен текст одной из восточных хроник, в которой описывался погребальный обряд знати древних тюрков. Специфичным в нем было то, что время смерти и время похорон не совпадали. В первые дни после смерти труп оплакивали ближайшие родственники, кремировали его и собирали пепел. Погребение праха откладывалось до съезда родни из отдаленных кочевий, знати соседних племен и, если покойный принадлежал к каганскому роду, то и представителей сопредельных государств. Получалось, что умершего весной хоронили осенью и наоборот, т.е. между днями смерти и похорон проходило около полугода. В день похорон после обычных церемоний закапывали в землю пепел, а на могиле воздвигали "храм", на стенах которого изображались покойный и оцены из его ратной жизни. "Если умерший убил человека, кладется один камень. При этом случается, что устанавливаются сотни, даже тысячи камней!" Сведения хроник подтвердились археологическими изысканиями. В Монголии был полностью раскопан мемориальный комплекс в честь принца Кюльтегина. Сырцовые стены квадратного храма были снаружи оштукатурены в плане и покрыты красной краской. На внутренних плоскостях стен сохранились невыразительные остатки многоцветной росписи. Крыша помещения была черепичной, вход — в восточной стороны. К нему примыкал прямоугольный двор с воротами в восточной стене. Ворота "охраняли" противостоящие друг другу каменные фигуры баранов. Неподдалеку от входа дежала мраморная черепаха с пазом на спине, куда вставлялся шип отелы с всемирно известной надписью,

где перечислены подвиги воинской доблести Кюль-тегина. От храма к воротам в две шеренги были установлены скульптуры сановников и придворных. Внутри помещения находился алтарь и были воздвигнуты статуи самого Кюль-тегина и его супруги. От внешней ограды на восток тянется ряд каменных столбиков. Количество их доходило до тысячи. В этом ряду отмечено два грубых антропоморфных камня.

Перед нами редко фиксируемое полное совпадение данных письменных источников и археологии. Суммируя те и другие можно констатировать, что основными конструктивными элементами мемориальных комплексов древних тюрков являлись:

1. Храм с алтарем;
2. Статуя человека, в память о котором сооружен памятник;
3. Вереница камней, которая тянется на восток от храма.

На территории Киргизии нам не известны столь пышные сооружения, подобные храму в честь Кюль-тегина. Но не исключено, что они воздвигались и здесь. По крайней мере, крупные каменные скульптуры высокохудожественной работы и фигура черепахи с пазом для стелы на территории республики археологам известны. Несравненно чаще встречаются предельно упрощенные и уменьшенные подобию описанных храмов. Имеются ввиду каменные оградки и установленные рядом с ними изваяния. Каменные скульптуры древних тюрков вкапывали у восточной стенки прямоугольной каменной оградки ("храм"). В центре оградок отмечались ямки или каменные ящички с золой, пережженными костями, обломками керамики и др. (алтарь). От изваяния на восток отмечалась та же вереница каменных столбиков. Исходя из единства конструктивных составных частей как пышных храмов, так и скромных оградок, ученые пришли к выводу о функциональном единстве тех и других. Оградки с изваяниями можно считать мемориально-поминальными сооружениями в честь тюркских воинов.

БАЛБАЛЫ И ТЕОРИЯ "ВРАГОВ"

В погребальном комплексе в честь Бильге-кагана среди вереницы каменных столбиков была обнаружена грубая антропоморфная стела с рунической надписью "каменный балбал шада телисов". На другом столбике значилось: "балбал Сабра таркана". Чтение и перевод этих

пояснительных надписей дали возможность установить, что каменные столбики или антропоморфные стелы, составляющие уже упоминавшиеся ряды камней, вытянутые на восток от храма или его имитации — оградки, древние турки именовали "балбалами". Поскольку балбалы, судя по тексту упомянутой хроники, были символами врагов, побежденных в свое время покойным, а рядом балбалов часто предшествовало каменное изваяние, то и о последних стали говорить как о балбалах; т.е. памятниках врагам. То обстоятельство, что изваяние у оградки в подавляющем большинстве находилось в единственном числе и резко отличалось от других балбалов, представляющих собой обыкновенные камни, видимо, смущало сторонников этой гипотезы. Выход, однако, был найден: изваяние стали трактовать как олицетворение "главного врага", а каменные столбики — как символы остальных поверженных. Смысл этого обычая усматривался в обеспечении покойного служителями в потустороннем мире. По мнению других исследователей изваяния могил могли носить еще и некоторую дополнительную смысловую нагрузку политического характера. Установленные вблизи оживленных караванных путей в чужеземные страны, изваяния должны были напоминать потенциальным противникам турков о печальной участи их прежних врагов.

Ряд ученых скептически относятся к "теории врагов". Дело в том, что в той же хронике упоминается о сооружении при могиле внутри здания "нарисованного облика" покойного. Есть и прямое упоминание о том, что специальные мастера изваяли скульптуру Кюль-тегина. Голова этой статуи была найдена при раскопках. Таким образом, заключили специалисты, каменные изваяния изображали самих древних турков, а не их врагов. В настоящее время эта точка зрения является наиболее распространенной.

ТИПЫ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ

Действительность едва ли была столь категоричной. Археологическая типология, проведенная по иконографическим признакам, в настоящее время насчитывает несколько групп каменных изваяний.

1. Мужские изваяния с оружием и сосудом в правой (редко левой) руке.
2. Мужские и женские изваяния с сосудом в правой руке и без оружия.

3. Изваяния с изображением только головы или лица человека.
4. Мужские изваяния с сосудом в обеих руках.
5. Женские изваяния с сосудом в обеих руках.
6. Мужские изваяния с зеркалом в правой руке.

Такое многообразие типов едва ли может соответствовать целиком одному и тому же культу, то есть разнообразие в иконографии изваяний не уместится в тесных рамках ни "теории врагов", ни теории "знатных тюрок". Археологи зафиксировали скульптурные изображения не только самого Кюль-тегина (умерший знатный тюрк), но и его супруги, придворных и участников похорон живых знатных тюрок и не тюрок. В настоящее время убедительно связать те или иные типы изваяний с определенными культовыми представлениями кочевников не представляется возможным, однако некоторые предположения относительно отдельных типов можно сделать и сейчас.

ДЕВА-ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА

В настоящее время на территории Киргизии найдено свыше пятнадцати скульптур обнаженных женщин. Я.А.Шер обратил внимание, в частности, что манера изображения груди на этих скульптурах резко отличается от ее изображений на изваяниях в Кюль-тегинских степях, олицетворяющих женщину-мать. На женских скульптурах Тянь-Шаня явно делалась попытка передать форму девичьей груди. Исследователь высказал гипотезу, что подобные изображения можно увязать с широко распространенным в прошлом среди кочевников культом девы-прародительницы рода или племени. Еще в средневековых хрониках была записана легенда о происхождении народа уйгуров. Она гласит, что у царя гуннов родились две дочери неземной красоты. Царь решил, что на земле едва ли найдется супруг достойный его дочерей и посвятил девочек божеству неба. В глухом необитаемом месте был выстроен высокий терем, где и поселили сестер. По истечении некоторого времени к терему явился волк, устроил под ним логово и стал охранять сестер. Меньшая сестра, решив, что это и есть посланец неба, родила от волка сына. Потомство мальчика размножилось и составило целое государство.

Подобные сказания отмечены в народной генеалогии многих скотовод-

ческих племен, в том числе и у древних тюрков. Таким образом, если связь каменных изваяний-дев с вышеприведенной легендой и не выглядит полностью убедительной, все же следует отметить, что очень древняя легенда дает основание говорить о почитании кочевниками не только конкретного предка (отца, деда и т.д.), но и общего предка всего народа или племени. В данном случае таким предком могла быть и дева-прародительница. О всеобщем почитании женских каменных изваяний в Кжнорусских степях писал Низами (XII в.): "Все племена кыпчаков, когда попадают туда (т.е. к месту установки изваяния) сгибаются вдвое перед единственной в своем роде статуей. Пешком ли зайдут они туда с пути или верхом, поклоняются ей, как творцу. Всадник, который подгонит к ней коня, кладет стрелу из колчана в честь ее".

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ УМАЙ?

В Северной Киргизии, на территории восточной части Чуйской долины, Малого Кемина, района озера Сон-Куль и главным образом Иссык-Кульской котловине, были обнаружены каменные изваяния, которые, несмотря на различную степень сохранности и детализации, можно выделить в особую, вторую группу женских изваяний. Для них характерно изображение верхнего одеяния в виде мантии-накидки без рукавов. Группа насчитывает шесть изваяний. Из них голову двух венчает "трехрогий" убор. У остальных голова отбита или повреждена. Возможно, что к выделяемой группе следует отнести еще пять фигур с "трехрогими" головными уборами, но без изображения деталей одежды.

Аналогии верхним одеяниям в виде мантии-накидки находим прежде всего в произведениях искусства Согда и Тохаристана. Терракотные женские статуэтки кушанского времени из Афрасиаба изображены в мантиях, накинутых на плечи. Таких фигурок подавляющее большинство. Следует отметить, что в одеяниях женщин Согда того времени нет однообразия, так как встречаются костюмы и иного покроя. Однако мантия отсутствует на всех статуэтках, изображающих мужчин того же времени.

В мантии одеты все женские персонажи росписей замка Балалык-тепе в Тохаристане. Сходство деталей их костюма с одеяниями изваяний выделяемой нами группы иногда превращается в тождество: полн

накидок женских персонажей Балалык-тепе украшены свободно ниспадающими лентами, подобными выбитым на скульптуре, найденной в Терской Ала-Тоо. Заметим, что мужские персонажи росписей, в отличие от женских, одеты в кафтаны с рукавами. Это различие настолько устойчиво, что становилось решающим при определении пола фигур, если были повреждены или уничтожены другие признаки. Живопись Балалык-тепе датируется У-началом VI вв. Следует отметить, что накидки женских персонажей, написанных на стенах этого замка, отличаются от таковых на каменных изваяниях наличием широкого треугольного отворота с правой стороны.

Резкое отличие женского платья-накидки от мужского с рукавами можно проследить и на серебряном блюде со "свадебной сценой". Мантия-накидка женщины также имеет правосторонний лацкан.

В УП-начале УШ вв. богатые мантии-накидки с двусторонними отворотами надевали женщины Пянджикента. Они четко видны в сцене помещения № 8. Женщины Пянджикента наряжались в платья разного покроя, но не было случая, чтобы в плаще-накидке был изображен мужчина.

Единственную аналогию интересующему нас покрою верхнего платья на каменных изваяниях территории восточнее Тянь-Шаня находим на известном кудыргинском валуне из Алтая со сценой коленогребклонения. Центральные фигуры сцены — женщина и ребенок — одеты в мантии-накидки. Голову женщины, как и на некоторых киргизских изваяниях венчает "трехрогая тиара". Этот памятник датируется первой четвертью УП в.

Итак, на территории Согда и Тохаристана во II в. до н.э. — УШ в.н.э. бытовала специфическая женская верхняя одежда в виде мантии-накидки. Этим она резко отличалась от мужского одеяния с рукавами. В Киргизии и на Алтае изображение накидки появляется на памятниках, начиная с VI в. Здесь оно сочетается с "трехрогим" головным убором. Уместно вспомнить, что в тюменском музее хранится миниатюрный удлинненный камень, на котором, судя по очертаниям, изображена женщина в "трехрогой" короне. Такой же убор стал решающим при трактовке поклоняющейся фигуры, как женской, на кудыргинском валуне.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, мы имеем некоторые основания считать каменные изваяния Северной Киргизии, на которых нет изображений признаков мужского пола и оружия, но одеты в мантии-накидку без рукавов и увенчанные "трехрогим" головным убором,

женскими скульптурами.

Касаясь семантики этого типа изваяний, мы сталкиваемся с необходимостью поставить сразу две проблемы: этническую принадлежность и культовое назначение этих скульптур.

Едва ли есть возможность с убедительностью определить этническую принадлежность женских изваяний в мантиях-накидках. Но постановка этого вопроса представляется уже правомерной.

Большинство исследователей, изучавших каменные скульптуры древнетюркского времени (Семиречья, Южной Сибири и Монголии), справедливо считает их основную массу изображениями алтайско-орхонских тюрков. Однако в исторической науке принимались более или менее успешные и с разными целями попытки выделить из множества памятников этого рода изображения представителей других племен и народов. В специальной литературе применительно к каменным изваяниям фигурируют многие этнонимы, в частности тургеши, уйгуры, кыргызы-хягасы, люди "вошедшие в эфталитское политическое объединение" и другие.

Известно, что фасон и покрой одежды является важным этническим признаком. Было бы заманчиво на основании сравнения с фресками Балалык-тепе сделать вывод, что выделенные женские изваяния изображают представительниц, если не эфталитов, то племен, входивших в их державу. Для этого имеется, казалось бы, много данных. Источники отмечают некоторые детали костюма эфталитских женщин. В разделе об эфталитах хроника повествует: "Братья имеют одну жену. Жена мужа, не имеющего братьев, т.е. одномужняя, носит шляпу с одним углом; многомужняя же — умножает число углов по числу братьев, на одеянии нашивают такое же число кистей".

Путешественник УП в., побывавший в областях, занятых эфталитами, отмечал, что эфталитские женщины носят головные уборы, увенчанные деревянными рогами. Последние будто бы символизируют их свекра и свекровь.

Таким образом, не касаясь вопроса семейно-брачных отношений в эфталитской среде, укажем лишь на наличие женских "рогатых" головных уборов и кистей на одеяниях. Возможно, что кисти, нашитые на женские платья, о которых упоминают источники, были близки к лентам или кистям женских персонажей Балалык-тепе и Тянь-Шаня. На фресках Балалык-тепе головные уборы отсутствуют вообще. Едва ли отмеченные в источниках эфталитские женские шапки подходили на

"трехрогие" уборы, выбитые на каменных изваяниях Тянь-Шаня, ибо первые могли иметь самое различное число "рогов".

Эти и упомянутые различия в покроях мантий-накидок из Балалык-тепе и Киргизии вынуждают отказаться от заключений, что интересующая нас группа изваяний изображает эфталитских женщин. Не следует забывать и то, что прямые аналогии тяньшанским мантиям мы находим в Кушанской терракоте. Кушанские женские фигурки в мантиях и с трилистником в левой руке настолько схожи с каменными изваяниями из с.Талды-Су на Иссык-Куле, что, несмотря на разрыв по утвердившимся ныне датировкам в полтысячи лет, напрашивается мысль о прямой сематической связи между ними. Этот вопрос требует специального исследования. Тем не менее уместно предположить, что группа каменных изваяний в мантиях может изображать представителей племен, входящих в эфталитское политическое объединение. В нем было много различных этнических групп. Кроме эфталитов источники называют хионитов, кидаритов, "белых гуннов" и др. Как установил Харматта, одна из групп хионитов - кермихиониты - входили в западно-тюркское объединение нушиби и обитали на территории Чуйской долины. В это же время в Иссык-Кульской котловине и Чуйской долине кочевали огузы. Допустимо предположить, что они вместе с кермихионитами входили в эфталитское политическое объединение в конце V - начале VI вв. Источники умалчивают о покрое одежды огузских женщин в это время. Но позже, по данным Агаджанова, в IX-XII вв., когда огузы были вытеснены в казахские степи, их женщины одевали накидку.

В этом плане весьма интересную деталь привел Константин Багрянородный, который отмечал длительную и упорную борьбу между огузами и печенегами. В итоге ее победили первые. Большая часть печенегов откочевала в Причерноморье, другая - осталась жить среди огузов. Оставшиеся были подвергнуты унижительной процедуре: "... Их одежда укорочена по колено, и рукава отрезаны до плеч". Этим актом огузы, видимо, желали нанести оскорбление повергнутым печенежским алпам, ибо теперь их кафтаны стали походять на верхнюю одежду огузских матрон. Заслуживает внимания факт, что кроме Семиречья, для которого женские каменные изваяния характерны, одна женская скульптура древнетюркского времени была найдена в Западном Казахстане, т.е. в месте нового расселения огузов.

В порядке первого приближения к определению этнической при-

надлежасти некоторых древнетюркских каменных изваяний можно высказать предположение, что женские изваяния, на которых выбиты одежды без рукавов в виде мантии-накидки, могли изображать представительниц племен, обитавших на территории Тянь-Шаня еще до образования каганата алтайско-орхонских тюрков и впоследствии вошедших в упомянутый каганат. Не исключено, что прототипами этих изваяний были женщины огузских племен.

Если доводы в пользу этнической принадлежности женских изваяний и не являются исчерпывающе убедительными, то фактов о их культовой принадлежности несколько больше.

В древнетюркском пантеоне известны три божества: Тенгри, Умай, Йер-суу. В древнетюркских рунических текстах есть упоминание о божестве Умай, но без конкретизации его функций. Трудными этнографов удалось установить, что верованиями многих тюркских народов, в том числе и киргизов, Умай рассматривается как женское божество, хранительница потомства. У южносибирских народов до недавнего времени женское божество именовалось "Уч Мусту Умай-апа (трехрогая мать Умай)". Эта деталь живо напоминает нам образы женских изображений в трехрогом головном уборе. О связи каменных изваяний с женским божеством плодородия Средней Азии и Ирана говорят сходства в изображении их украшений и особенно ожерелья с медальоном (апезак). На основании этих данных мы предполагаем, что женские изваяния Киргизии в трехрогих головных уборах могут изображать богиню Умай, либо покойную в образе покровительницы Умай.

Факт очень важен. Дело в том, что наличие в культуре киргизов в VIII-XIX вв. таких божеств как Тенгри, Йер-Суу, Умай свидетельствует о генетическом родстве их представлений с религиозными воззрениями древних тюрков VI-X вв. Еще большую связь идеологии киргизов прошлого с древнетюркской идеологией можно усмотреть в культуре предков, связанных с каменными изваяниями.

ОТГОЛОСКИ КУЛЬТА ПРЕДКОВ В КИРГИЗСКИХ ВЕРОВАНИЯХ ПРОШЛОГО

Иногда население республики, проживающее в районах, где обнаружены каменные изваяния древних тюрков, с пренебрежением отно-

сится к этим выдающимся памятникам древности. С полей и пашен их убирают и бросают в ямы или глубокие арки; если они обнаружены близ поселений, то бывают случаи использования изваяний для сооружения фундаментов, мостиков через арки, крепления ворот. В лучшем случае, скульптуры древних тюрков убирают с мест их первоначальной установки и вкапывают у фасадов учреждений или жилых домов, где изображения средневековых воинов служат в качестве коновязи. Такое неуважительное отношение к памятникам этого рода связано с укоренившимся ошибочным бытовым представлением, что якобы каменные изваяния являются изображениями калмаков. Они так и именуются "калмак таш".

Тем не менее, культ предков, и связанный с ним обычай изображать мертвых, еще в дореволюционное время, в противовес исламским догмам, был широко известен у многих народов тюркского корня, к которым принадлежат и киргизы. Согласно древним народным представлениям душа умершего мужчины в течение года пребывала в его изображении, которое именовали "тул". Изображения покойного в разных местах Киргизии не было одинаковым. На юге республики подобие умершего представляло собой вертикально поставленную подушку, которую облачали в одежды покойного. Тул, воздвигнутый в честь известного манаца Шабдана Джантаева состоял из вертикального шеста, водруженного на мужской половине юрты (эр жак). Конец шеста выходил наружу, где к нему привязывали траурные флаги. Внутри юрты на шест крепились поперечные планки, на которые одели наряды Шабдана, увешенные орденами, медалями и другими знаками отличия этого феодала. Выше был вывешен его портрет. Так выглядели тулы в начале XX века.

Более древние изображения имели значительно большее сходство с человеком. В XIX в. чаткальские киргизы вырезали тул из дерева. Причем изображались руки, ноги, голова. При перекочевках вдова покойного сажала тул на лошадь и вела ее в поводу за собой.

Чаткальские тулы, видимо, очень напоминали те изображения покойных, которые были отмечены в древнейшей явно домусульманской части эпоса "Манас". Когда умирал старый Кокетай, он завещал:

"... Останется моя вдова,

Моя любимая Кулаим.

Перед изображением моим

День и ночь пусть не сидит,

Глаза слезами не слепит..."

В конце первой части эпической трилогии конкретизируется сам характер изображения покойного. На похоронах Манаса мудрый Бакай

"...срубил тополевый ствол.
Приложил старания он,
Высек изваяния он:
Под его руками возник
Деревянный Манаса двойник!
Как у Манаса, руки его,
Как у Манаса, ноги его,
Даже глаза похожи его!"

Таким образом, древние поверия киргизского народа, связанные с культом предков, очень сходны с такими же повериями древних турков. Первые явно восходят ко вторым. Отсюда следует, что каменные изваяния древних турков раннего средневековья являются важным археологическим источником при изучении происхождения идеологии Киргизского народа, как составной части тюркских народов нашей страны.

Приведенные факты свидетельствуют об этногенетическом родстве древнетюркских и киргизских идеологических представлений, что в свою очередь свидетельствует об участии древних турков в этногенезе современных киргизов Тянь-Шаня.

Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно проявляют неустанную заботу не только о материальном, но и о духовном росте тружеников нашей страны. Это нашло свое выражение в новой Конституции СССР, Конституции Киргизской ССР, Законе СССР "Об охране и использовании памятников истории и культуры" и соответствующем законе нашей республики. В настоящее время по решению Совета Министров Киргизской ССР начато сооружение музея под открытым небом на базе Буранинского городища. Здесь, помимо других мероприятий, предполагается собрать все ныне известные каменные изваяния Чуьйской долины. Такое же собрание каменных изваяний намечено осуществить в местности Сан-Таш и Чолпоф-Ата на Иссык-Куле. Видимо, настало время углубленного изучения каменных скульптур древних турков Центрального Тянь-Шаня и Таласской долины. В этом деле ученые республики возлагают большие надежды на помощь членов Общества охраны памятников истории и культуры, которые могут сообщить в Институт истории АН Киргизской ССР о каждом конкретном слу-

чае обнаружения каменных изваяний в любом уголке нашей прекрасной республики.

Л и т е р а т у р а

Д.Ф.Винник. Памятники древних кочевников Иссыккульской котловины. сб. "Памятники Киргизстана", вып. I, Фрунзе, 1970.

В.П.Мокрынин. Женские каменные изваяния Тянь-Шаня и их этническая принадлежность. сб.: "Археологические памятники прииссыккуля", Фрунзе, 1975.

Я.А.Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1964.

А.Д.Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо в археологическую комиссию.....	3
Каменные изваяния.....	4
Погребальный обряд и поминальные сооружения тюрков.....	5
Бэлбалы и теория "врагов".....	6
Типы каменных изваяний.....	7
Дева-прародительница.....	8
Древнетюркская Умай?.....	9
Отголоски культа предков в киргизских верованиях прошлого	10
Литература.....	16

Мокрынин Владимир Петрович
кандидат исторических наук

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ—ПАМЯТНИКИ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

Редактор А. И. НЕСМЕЯНОВ
Редактор издательства Л. Т. СУЛАЙМАНОВА

Подписано к печати 30. II. 78. Д—07922, формат 60x84 1/16, бумага типографская № 1, офсетная печать, 1,25 физич. печ. л., 1,26 условн. печ. л., 0,86 учетно-издат. л., тираж 500 экз. Заказ 915. Цена 5 коп. Заказное.

Издательство „Кыргызстан“
720737, ГСП, г. Фрунзе, ул. Советская, 170

Кантская типография, ул. Вокзальная

Цена 5 к.